

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Вѣра Фигнеръ: „Запечатлѣнный трудъ“. Ч. I. Изд. „За- друга“. Москва 1921 г.

Имя В. Н. Фигнеръ хорошо извѣстно въ русскихъ революціонныхъ и прогрессивныхъ кругахъ. Ей принадлежитъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ славной плеядѣ революціонеровъ 70-хъ и 80-хъ годовъ. Связанная тѣсными узами дружбы и боевого товарищества съ большинствомъ наиболее видныхъ революціонныхъ дѣятелей того времени, В. Н. Фигнеръ лишь одна изъ всѣхъ ихъ прожила на свободѣ цѣлыхъ 7 лѣтъ (1876-1882 г.г.), принимая непосредственно самое активное участіе во всей дѣятельности тайнаго общества «Земля и Воля», а затѣмъ партіи «Народная Воля». «Кому же какъ не мнѣ — говоритъ она въ предисловіи — прослѣдить въ рамкахъ личнаго участія и проживанія (курсивъ мой) путь, которымъ шли мои товарищи, отдавшіе свою жизнь революціонному движенію». Этими словами ясно опредѣляются какъ содержаніе книги, такъ и задачи автора. Передъ нами не исторія революціоннаго движенія даннаго періода, даже не попытка охватить весь циклъ его революціонныхъ событій и выступленій. О многихъ изъ нихъ она упоминаетъ лишь мелькомъ, нѣкоторыхъ совсѣмъ не касается и подробно останавливается лишь на тѣхъ, — правда, очень многочисленныхъ и яркихъ, — которыя тѣсно переплетаются съ ея собственной жизнью и дѣятельностью. Такое сознательное ограниченіе сюжета можетъ вызвать нѣкоторое разочарованіе читателя, потому что именно В. Н. Фигнеръ была бы способна, можетъ быть, лучше чѣмъ кто-либо, выполнить эту историческую работу. Но зато, съ другой стороны, подобный автобіографическій характеръ книги придаетъ ей особое значеніе. Но говоря уже о томъ интересѣ, который вызываетъ къ себѣ личность автора, все, о чемъ пишетъ В. Н. Фигнеръ, происходило непосредственно на ея глазахъ, при ея лич-

номъ во всемъ участіи, пережито и пережито ею самою и потому представляетъ въ высшей степени цѣнный и достоверный матеріалъ для будущаго историка русской революціи.

«Запечатлѣнный трудъ» есть повѣсть жизни В. Н. Фигнеръ съ самаго ея малолѣтства до ея заключенія въ Шлиссельбургъ. Первая четверть книги вполне автобиографична: въ легкой, мѣстами поэтичной формѣ рисуются картины дѣтства, семейная обстановка и ея вліяніе на выработку личности автора, институтская жизнь, такъ мало дававшая уму и сердцу ребенка, вступленіе въ свѣтъ и замужество, отъѣздъ въ Швейцарію для поступленія въ университетъ и тѣ постороннія вліянія, которыя постепенно привели ее на революціонную дорогу. Уже въ институтѣ проявляется индивидуальность будущей революціонерки, когда уже въ старшихъ классахъ одна изъ классныхъ дамъ, выдѣлявшаяся изъ всѣхъ прочихъ по уму и образованію и вначалѣ очень благоволившая къ своей способной воспитанницѣ, пачинаетъ какъ бы преслѣдовать ее, — между ними возникаетъ длительная борьба; и лишь по истеченіи 3-хъ лѣтъ эта классная наставница неожиданно приглашаетъ къ себѣ дѣвочку-подростка и говоритъ: «я устала бороться съ вами за вліяніе на классъ. Будемъ жить мирно». Эти слова такъ удивили мепд, — говоритъ В. Н. Фигнеръ, — что я не нашлась что отвѣтить: я не сознавала, что между нами идетъ борьба, да еще за вліяніе на классъ. И это говорила умная, — твердая Черноусова, мнѣ, которая была дѣвченкой въ сравненіи съ ней.»

17-ти лѣтъ В. Н. Фигнеръ кончаетъ Казанскій институтъ первой, съ золотымъ шифромъ. Передъ молодой красавицей дѣвушкой, матеріально обезпеченной, открывались блестящія свѣтскія перспективы. Но судьба, или вѣрнѣе сказать, весь складъ ея ума и сердца судили иное. Покидая институтъ, она несла въ душѣ уже свои самостоятельно выработанные ею императивы. «Согласовать слово съ дѣломъ», требовать этого согласованія отъ себя и отъ другихъ. И это стало, — говоритъ авторъ, — девизомъ моей жизни.»

Лучшіе годы своей жизни отдала В. Н. Фигнеръ дѣлу борьбы, революціи, разрушенія. И это тогда, когда не кровь проливать, а любовь расточать жаждало иное сердце. Вотъ какъ описываетъ она тѣ чувства и переживанія, которыя овладѣли ею во время ея пребыванія въ деревнѣ, куда ей удалось поступить на службу въ качествѣ фельдшерницы (сестра ея открыла тамъ же частную школу) и гдѣ онѣ скоро приобрѣли любовь и довѣріе окружающихъ. «Такая жизнь, такое отношеніе къ намъ простыхъ душъ, имѣли такую чарующую прелесть, что мнѣ и теперь пріятно вспомнить ее: каждую минуту мы чувствовали, что мы нужны, что мы

не лишнія. Это сознаніе своей полезности и было той притягивающей силой, которая влекла нашу молодежь въ деревню, только тамъ можно было имѣть чистую душу и спокойную совѣсть. И если насъ оторвали отъ этой жизни, отъ этой дѣятельности, то въ этомъ были виноваты не мы». А между тѣмъ жизнь эта была трудная, тяжелая. «Но роскошь, тѣмъ роскоши была изгнана изъ нашего обихода; мы не употребляли бѣлаго хлѣба, не видали мяса, каждый лишній кусокъ становился намъ поперекъ горла среди общей бѣдности и скудости».

И понятно поэтому какую душевную трагедію, сколько сердечныхъ мукъ должны были испытать молодые энтузіасты, чистые духомъ и сердцемъ, трогательно влюбленные въ свое дѣло, когда имъ пришлось посповолѣ прекратить эту столь желанную для нихъ работу и промѣнять ее на тѣсное подполье съ его тайною и вынужденнымъ обманомъ, закалить свою душу для жестокой борьбы и перескочить орало на мечъ.

Весь этотъ автобіографическій очеркъ первыхъ 20 лѣтъ жизни является какъ бы вступленіемъ къ главной части книги, всецѣло посвященной тѣмъ революціоннымъ событіямъ и той многолѣтней борьбѣ, въ которой безъ перерыва 7 лѣтъ принимала самое дѣятельное участіе В. Н. Фигнеръ. Это востаніе «Запечатлѣнный трудъ» въ поученіе будущимъ поколѣніямъ.

Въ небольшой замѣткѣ трудно даже перечислить тотъ огромный матеріалъ, который даетъ книга. Передъ нами проходитъ цѣлый калейдоскопъ революціонныхъ событій, яркихъ и блестящихъ, цѣлый рядъ актовъ безстрашной борьбы, самоотверженной и упорной, которые въ свое время потрясали и волновали не только Россію, но и весь цивилизованный міръ, приковывая къ себѣ общее вниманіе.

Русское революціонное движеніе въ своемъ цѣломъ, какъ и всякое длительное социальное явленіе, имѣетъ свои различныя эпохи, изъ которыхъ каждой присущъ свой особый колоритъ, индивидуальныя, такъ сказать, психологическіе и моральные признаки. Та эпоха, которую живописуетъ В. Н. Фигнеръ, характеризуется прежде всего своимъ яркимъ идеализмомъ. Но это не тотъ мечтательный идеализмъ, который отрѣшается отъ грѣшной земли и живетъ въ области теоретическихъ умозрѣній, переходящихъ въ утопію. Это идеализмъ дѣятельный, тотчасъ же стремящійся примѣнить свои выводы къ реальной жизни, воплотить въ нее свои мечты и идеалы. При такомъ идеализмѣ слово и дѣло не расходятся между собою.

Первое революціонное движеніе въ народъ, преимущественно пропагандистское на сѣверѣ (Впередовцы) и бунтарское (Бакунисты) — на югъ къ 1876-му году уже замирало, завершало свой циклъ

«И пропагандисты и бунтари в своей практической деятельности в народѣ потерпѣли фиаско, т. е. какъ въ самомъ народѣ, такъ и въ политическихъ условіяхъ страны встрѣтили неожиданныя и неодолимые препятствія къ осуществленію своей программы... Несмотря на всѣ аресты часть ихъ все же удѣлѣла и тогда болѣе опытные изъ нихъ приступили къ оцѣнкѣ прошлаго и затѣмъ къ выработкѣ новыхъ началъ революціонной тактики.»

Въ результатѣ этого критическаго пересмотра появилась новая программа, получившая названіе «народнической».

«Въ основаніе ея легла мысль, что русскій народъ, какъ и всякій другой, имѣетъ свое самобытное міросозерпаніе, соответствующее уровню его нравственныхъ и умственныхъ понятій... Необходимо сдѣлать попытку отправляться при революціонной деятельности въ народѣ отъ присутствія ему въ данный моментъ стремлений и желаній и на своемъ знамени выставить уже самимъ народомъ осозданные идеалы.»

Эти принципы легли въ основаніе общества «Земля и Воля», и сейчасъ же было приступлено къ практическому ихъ осуществленію. Нѣсколько десятковъ искушенныхъ уже опытомъ революціонеровъ рассеяются по деревнямъ Саратовской, Самарской, Воронежской, Тамбовской и др. губерній въ качествѣ фельдшеровъ, фельдшерницъ, волостныхъ писарей, ремесленниковъ и т. д. Такимъ образомъ начинается кропотливая работа сближенія съ народомъ, привлеченія къ себѣ симпатій окружающаго населенія и революціоннаго на него воздѣйствія. Въ тоже время горожане приступаютъ къ агитаціи и боевой деятельности: цѣлый рядъ демонстрацій, рабочихъ стачекъ и террористическихъ актовъ имѣетъ мѣсто на протяженіи двухъ послѣдующихъ годовъ.

Эта новая народническая программа, включившая въ себя нѣкоторый элементъ активной политической борьбы, черезъ два года перестала уже удовлетворять, можетъ быть, именно наиболѣе активную и энергичную часть землевольцевъ. Новый опытъ постановки культурно-революціонной работы и не только въ деревняхъ, но и въ городахъ ясно показывалъ, что никакая систематическая, планомерная деятельность этого характера въ рамкахъ существовавшаго полицейскаго режима быть не можетъ. Окружавшая действительность и усиливавшаяся реакція неуклонно направляли дѣятельныхъ революціонеровъ на опредѣленный, ясно вырисовавшійся путь активной политической борьбы.

«Мы уже ясно видѣли, — пишетъ В. Н. Фигнеръ, — что намѣдѣло въ народѣ опять проиграло. Въ нашемъ лицѣ революціонная партія потерпѣла второе пораженіе, но уже не въ силу неопытности своихъ членовъ и теоретичности своей программы, или же

лания навязать народу чуждые ему дѣла и недоступные идеалы. Нѣтъ и нѣтъ, — мы должны были сойти со сцены съ сознаниемъ что наша программа жизненна, что ея требованія имѣютъ реальную почву въ народной жизни, и все дѣло въ отсутствіи политической свободы... Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы вносили сознание, что народъ понимаетъ насъ, что онъ видитъ въ насъ своихъ друзей. Когда въ Вязьмино (мѣсто службы В. Н. Фигнеръ) явились жандармы и полиціи, общій говоръ крестьянъ былъ: «все это потому, что «они» стоять за насъ». Когда поздиѣ писарь распустилъ слухъ, что мы арестованы, а сестра Евгения повѣшена, крестьяне ночью отправились къ Ермолаевымъ (сосѣди помѣщики, — друзья В. Н. Фигнеръ) узнать правда ли это. Они вернулись успокоенные и радостные... И такое отношеніе къ новымъ деревенскимъ пришельцамъ было почти повсемѣстное.

Но подобная эволюція мѣлкій въ нѣдрахъ «Земли и Воли» совершалась медленно и постепенно, вызывая ожесточенные и страстные споры. «И если такъ думали Александръ Михайловъ, Квятковский и ихъ единомышленники, — то въ той же Петербургской группѣ «Земли и Воли», паряду съ ними находились ярые противники новыхъ взглядовъ, энергично и упрямо защищавшіе прежнюю позицію; таковы были Плехановъ и Мих. Поповъ, со всей рѣзкостью своихъ яркихъ индивидуальностей боронившея противъ новшествъ». До какой страстности доходила эта борьба двухъ теченій, показываетъ слѣдующій эпизодъ, передаваемый В. П. Фигнеръ:

«Пререканія и распри дошли до апогея, когда весной 1879 года въ Петербургъ пріѣхалъ Александръ Соловьевъ уже съ готовымъ тайнымъ рѣшеніемъ. «Безрезультатна при существующихъ политическихъ условіяхъ жизнь революціонера въ деревнѣ», — таковъ былъ выводъ сдѣланный имъ послѣ опыта пребыванія въ ней. «Какой угодно дѣло надо добиваться измѣненія этихъ условій и, прежде всего, сломить реакцію въ лицѣ императора Александра II». И онъ рѣшилъ, что убѣесть его. Но для этого ему требовалась помощь, за который онъ и обратился къ товарищамъ землевольцамъ. «Вопросъ о покушеніи былъ поставленъ въ центральной группѣ... но при этомъ сочли необходимымъ умолчать о имени. Въ ходѣ прерій было упомянуто, что рѣшеніе сдѣлать покушеніе непоколебимо и никакой отказъ не отвратитъ его. Это... переполнило мѣру терпѣнія Плеханова и Попова. Возмущенный Поповъ воскликнулъ: «если среди Васъ найдется Каракозовъ, то не льются ли и новыя Комиссаровы, который не пожелаетъ считаться съ Вашимъ рѣшеніемъ». На это другъ Попова, Квятковский, вмѣстѣ съ нимъ ходившій въ народъ, крикнулъ: «если этимъ Комиссаровымъ будешь ты, то я тебя убью.» Бурное столкновение кончилось компромиссомъ: «Земля и Воля» отказывала въ помощи покушенію,

но индивидуально, отдельные члены могли оказать ее.» Покушение, как известно, состоялось.

Эпизод этот характерен и показывает, как болезненно рождалось в среде землевольческой организации новое направление и с каким душевным надломом разрывали люди старую дружбу и связи, расходясь по разным дорогам.

Большая половина книги посвящена истории идей и деятельности партии «Народной Воли». Даже краткий пересказ всего этого невозможен. Можно попытаться только отметить некоторые общие психологические признаки, характеризовавшие этот момент.

Новое течение революционной идеологии и тактики не сразу, однако, завоевало себе господствующее положение. «Для того, — говорит В. Н. Фигнеръ — чтобы сломить оппозицию и дать новым взглядам окончательное преобладание в революционной среде, — потребовалось 1—1½ года неутомимой пропаганды и целый ряд ослепительных фактов: общий ропот неудовольствия поднялся при выходе номера «Народной Воли» (№ 1), который, указывая на монархию, провозгласил свое „Delenda est Carthago“ и единодушный взрыв рукоплесканий приветствовал 1-ое марта 1881 года». В свою очередь старое течение, воплотившееся в «Черномъ Передѣлѣ», постепенно тихо и замирало и через 3 года совсем сошло со сцены.

Под знаменами «Народной Воли» собрались наиболее активные и самоотверженные революционные единицы. Требования, предъявляемые к членам партии, были строгие, но от членовъ Исполнительнаго Комитета они были еще строже и, по словамъ В. Н. Фигнеръ, состояли, между прочимъ, в слѣдующемъ: «1) в общении отдать все духовныя силы свои на дѣло революции, забыть ради него все родственныя узы и личныя симпатии, любовь и дружбу; 2) если это нужно, отдать и свою жизнь, не считаясь ни съ чѣмъ, не шадя никого и ничего; 3) не имѣть частной собственности, ничего своего, что не было бы вмѣстѣ съ тѣмъ и собственностью организации, членомъ которой состоишь; 4) отдавая всего себя тайному обществу, отказаться от индивидуальной воли, подчиняя ее волѣ большинства»...

«Эти требования — говоритъ В. Н. Фигнеръ, — были велики, но они были легки для того, кто былъ одушевленъ революционнымъ чувствомъ, тѣмъ напряженнымъ чувствомъ, которое не знаетъ ни преградъ, ни препятствій и идетъ прямо, не озираясь ни назадъ, ни направо, ни налево. Если бы они, эти требования были меньше, если бы они не затрагивали такъ глубоко личности человека, они оставались бы неудовлетворительною, а теперь своею строгостью и высотой они приподнимали личность и уводили ее отъ всякой обы-

денности; человекъ живѣе чувствовалъ, что въ немъ живетъ и должесть жить идеаль».

Такъ это и было на самомъ дѣлѣ. Отъ всей книги В. Н. Фигнеръ, отъ разсыпанныхъ по ней эпизодовъ борьбы небольшой кучки людей съ могущественнымъ противникомъ, несмотря на всю простоту рассказа, вѣдетъ героическимъ. Изъ числа 28 членовъ Исполнительнаго Комитета, такъ сказать основоположниковъ «Народной Воли», къ началу 1883 г. уцѣлѣли только 4. Остальные уже легли костями, завершивъ свою жизнь на висѣлицѣ, или вымирая быстрымъ темпомъ въ казематахъ Алексѣевского Равелина и Трубенцоваго Бастиона.

Всѣ лишения, всѣ тяжести нелегальной жизни переносились просто и безропотно, какъ нѣчто вполне естественное и неизбежное, и не день и два, а мѣсяцы и годы. С. Л. Перовская послѣ 1-го марта, истомленная и измученная тяжелыми нервными переживаниями этого момента, въ ожиданіи близкой казни своихъ близкихъ друзей, предпочитала странствовать и ночевать по своимъ личнымъ знакомымъ, чѣмъ рисковать, можетъ быть, провалить своимъ приходомъ одну изъ нѣсколькихъ безопасныхъ конспиративныхъ квартиръ, существовавшихъ тогда въ Петербургѣ. За два дня до своего ареста она пришла вечеромъ къ В. Н. Фигнеръ. «Вѣрочка, можно у тебя ночевать? — спросила она, — рассказываетъ В. Н. Фигнеръ. Я смотрѣла на нее съ удивленіемъ и упрекомъ: «Какъ это ты спрашиваешь, развѣ можно объ этомъ спрашивать». Я спрашиваю, — отвѣчала Перовская, потому, что если въ домъ придутъ съ обыскомъ (тогда шли массовые обыски), то тебя повѣсятъ. Обнявъ ее и указывая на револьверъ, который лежалъ у изголовья моей постели, я сказала: «съ тобой или безъ тебя, если придутъ я буду стрѣлять»... Такова была душа Перовской, частицы души ея, потому что только частица ея была приоткрыта мнѣ: въ то спѣшное время мы слишкомъ поверхностно относились къ психологін друга, мы дѣйствовали, а не наблюдали».

Тотъ идеализмъ, которымъ была пропитана психологін большинства революціонеровъ того времени, экстазъ борьбы и невольное приученіе себя къ мысли о возможности и даже неизбежности скорой гибели и смерти, налагали на многихъ особый отпечатокъ «жертвенности» и «обреченности». Отпечатокъ этотъ не наблюдался извнѣ, но какъ то чувствовался, ощущался и зачаровывалъ другихъ. Характеризуя Суханова и описывая свое первое знакомство и дальнѣйшее сближеніе съ нимъ, В. Н. Фигнеръ говоритъ:

«Сухановъ былъ человекъ, котораго невозможно было не любить. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которыхъ чѣмъ больше узнаешь, тѣмъ болѣе любишь. Глубоко честный и безкорыстный, совершенно лишенный честолюбія, онъ былъ правдивъ и прямоду-

шенъ до такой степени, что приходилось удивляться, какъ такая личность, чистая какъ хрусталь, могла сложиться среди окружающей лжи, обмана и лицемерія»...

... «Послѣ первой встрѣчи съ нимъ мы (В. Фигнеръ, Перовская и Желябовъ) стали выдаваться часто и темой разговоровъ была разумѣется общественные и революціонные вопросы, тѣ партійные интересы, которыми мы находимся только и жили. Хотѣлось эти вопросы и интересы сдѣлать и для него такими же близкими и жгучими, какими они были для насъ... Сухановъ того времени былъ еще далеко не тѣмъ, какимъ были другіе товарищи увидали его въ февралѣ и мартѣ 1881-го г. Но было видно, что недостаетъ только искры, чтобы онъ вспыхнулъ, и въ началѣ 1881 г. можно было уже сказать, что Сухановъ умретъ на эшафотѣ, что онъ создастъ себѣ эшафотъ даже среди условій, когда правительство предпочло бы отсутствіе громогласныхъ казней. А когда погибъ горничный любимый имъ Желябовъ, желѣзная рука котораго могла бы сдерживать его въ должныхъ предѣлахъ, возбужденное состояніе его въ ту тревожную для Комитета весну перешло всѣ границы: послѣ 1 марта онъ сталъ дѣйствовать съ лихорадочной поспѣшностью... Напрасно старались мы сдерживать его порывы... «Нѣтъ, нѣтъ, — возражалъ онъ, — годъ, два работы изъ всѣхъ силъ, а потомъ конецъ»... Известно, что онъ могъ избѣжать своей участи, его предупреждали объ опасности, онъ самъ, наконецъ, видѣлъ ее, но все же не хотѣлъ скрыться, какъ ему совѣтовали, какъ его уговаривали и хладнокровно ждали ареста, который означалъ гибель, потому что, помимо подавляющихъ уликъ, дальнѣйшій образъ дѣйствій его былъ опредѣленъ, обдуманъ и рѣшенъ.

То-же ощущеніе «жертвенности» и «обреченности» оставляла по себѣ С. Л. Перовская за послѣдніе мѣсяцы жизни своей на волгѣ. Таково было впечатлѣніе, вынесенное и мною отъ многихъ встрѣчъ съ нею. Только что возвратившись изъ административной ссылки, я тогда, еще молодымъ студентомъ, познакомился съ С. Л. Перовской и выдался съ нею по нѣкоторымъ революціоннымъ и Красно-Крестнымъ дѣламъ. Послѣ 1-го марта эти встрѣчи участились и въ теченіе послѣднихъ 10 дней до ея ареста я выдался съ нею 3 раза. Приходила она на свиданія блѣдная, истомленная, но какъ только начинался разговоръ о дѣлѣ, она оживала и какъ бы преобразалась.

Отчасти я зналъ, отчасти догадывался о близкомъ участіи Перовской въ событіи 1-го марта (сама она не обмолвилась объ этомъ ни словомъ). Опасность ея положенія, очевидная усталость и нервность ея побудили меня при послѣдней встрѣчѣ заговорить съ ней о необходимости хотя бы временнаго отъѣзда ея изъ Петербурга. Въ отвѣтъ на мои слова она не то разсердилась, не то

взволновалась: «Не будемте говорить объ этомъ», и она сдѣлала рѣзкій отрицательный жестъ рукою... «Развѣ теперь время говорить объ этомъ.» И, измѣнивъ, смягчивъ тонъ, она сказала: «Вы вступили на нашъ путь. Помните, что идя по немъ, надо всегда думать объ одномъ: готовить себя не къ жизни, а къ гибели и смерти».

На другой день С. Л. Перовская была арестована.

Съ той поры уже прошло 40 лѣтъ, но все это и теперь стоитъ у меня живо въ памяти и передъ глазами...

Въ свое время много обвиненій раздавалось изъ лагеря русскихъ марксистовъ противъ «Народной Воли» за якобинство якобы ея программы, проявившееся въ видѣ включенія въ нее пункта о «захватѣ власти». Трудно объяснить теперь, тѣмъ объяснялись эти нападки. Чего было тутъ больше: простого недоразумѣнія, игнорирования и непониманія политической ситуаціи при первыхъ эпизодахъ всякой революціи вообще; или же марксистскіе публицисты просто точили острия своихъ полемическихъ перьевъ на этомъ пунктѣ. Кто же, особенно теперь, послѣ всего пережитого, сталъ бы упрекать революціонную партію за то, что она, предвидя или подготавливая революцію, предусмотрѣла и отмѣтила въ своей программѣ тотъ переходный моментъ, когда старая власть низвергнута, а новая, выражающая волю народа и имъ избранная, еще не успѣла и не могла сорганизоваться.

Въ программѣ «Народной Воли» вопросъ этотъ дебатировался именно въ такой формѣ, которая, казалось бы, не допускала возможности жетолкованій. «Никогда, — говорить В. Н. Фигнеръ, — у насъ не было рѣчи о навязаніи большинству воли меньшинства, о декретированіи революціонныхъ социалнестическихъ преобразованій, что составляетъ ядро якобинской теоріи». Не было и тѣхъ привходящихъ индивидуальныхъ мотивовъ, которые могутъ вызывать мысль о якобинскихъ замыслахъ: не было и не могло быть тогда личныхъ устремленій, потому что не существовало никакой реальной почвы для игры личныхъ честолюбій. «Самый вопросъ о временномъ правительствѣ, — говорить В. Н. Фигнеръ, — при наличномъ составѣ партіи былъ у насъ вопросомъ скорѣ академическимъ, безъ мысли, что мы увидимъ его (врем. правительство), а тѣмъ болѣе войдемъ въ него, и ставился для стройности программы, для будущаго, когда революціонная партія разрастется до обширныхъ размѣровъ». Въ программѣ своей и въ письмѣ къ Александру III Исполнительный Комитетъ провозгласилъ установленіе народоваѣстия (Созывъ Учредительнаго Собранія) и основу демократическаго правового порядка, обезпечивающаго возможность мирной пропаганды социализма, разрѣшеніе аграрнаго вопроса въ смыслѣ передачи земли народу.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ теченіе всего десятилѣтія — съ начала 70-хъ до начала 80-хъ годовъ — въ области революціонной мысли совершалась значительная эволюція. Революціонная идеологія развивалась теоретически, исправлялась по указаніямъ опыта, очищаясь отъ утопій, политически созрѣвала и опредѣленно выставила, наконецъ, на своемъ знамени лозунгъ политической борьбы, идею политическаго переворота, какъ необходимаго преддверія для дальнѣйшихъ достиженій въ духѣ идей социализма. Въ этой ясной постановкѣ политическаго вопроса на надлежащее мѣсто заключается большая заслуга второй половины 70-хъ годовъ и въ особенности партіи «Народной Воли».

Много страницъ своей книги посвящаетъ В. Н. Фигнеръ изображенію событія 1-го марта, описанію революціонныхъ эпизодовъ ему предшествовавшихъ и его сопровождавшихъ, романтическихъ приключеній и трагическихъ индивидуальныхъ переживаній. Все это читается съ большимъ интересомъ и бросаетъ яркій свѣтъ какъ на психологію дѣйствующихъ лицъ, такъ и на общественную среду, ихъ окружавшую. Авторъ является апологетомъ акта 1-го марта какъ принципиально, такъ и во времени, — въ смыслѣ неизбежности и необходимости его для даннаго политическаго момента. Психологія и настроеніе самихъ революціонеровъ, ихъ надежды на успѣхъ задуманнаго и на его результаты были таковы, что неизбежно побуждали ихъ продолжать начатую борьбу, а сочувствіе общественныхъ круговъ и преувеличенное даже представленіе о могуществѣ Комитета еще болѣе окрыляли эти надежды и вызвали представленіе о необходимости во что бы то ни стало довести дѣло до конца. Нужно было жить въ ту эпоху, чтобы составить себѣ истинное представленіе о той вѣрѣ во всемогущество Исполнительнаго Комитета, которая царяла въ русскихъ интеллигентныхъ кругахъ. Впродолженіе почти двухлѣтняго періода отъ 1-го марта до коронаціи циркулировали полуфантастическіе слухи о чемъ то грандіозномъ, имѣющимъ совершиться. Говорили о подкопѣ подъ Кремлевскій дворецъ, устроенномъ на случай коронаціи, о Кобзевѣ, взявшемъ уже подрядъ на электрическое освѣщеніе Успенскаго Собора во время коронаціоннаго торжества. И подобныхъ слуховъ и легендъ было не перечестъ. Даже въ противномъ, враждебномъ лагерѣ наблюдался какой то сдвигъ, не въ смыслѣ сочувствія къ совершающимся событіямъ, конечно, а въ видѣ чувства удивленія и даже уваженія къ этимъ таинственнымъ революціонерамъ. Помню, какъ утромъ 1-го апрѣля въ день казни Перовской и Желябова, я, только что арестованный ночью, сидѣлъ, въ ожиданіи имѣющаго быть у меня обыска, въ канцеляріи Василеостровской части рядомъ съ дежурной надзирательской комнатою. Черезъ полу-затворенную дверь доносились слова

дежурныхъ надзирателей, только что вернувшихся изъ наряда съ мѣста казни и дѣлвшихся съ другими полицейскими своими впечатлѣніями. «Вотъ женщина,—говорилъ одинъ,—гдѣ такихъ встрѣтишь? и не вздрогнула вѣдь...» «Будто не на смерть шла, а такъ, на гулянье какое»—доиспаялъ другой, и въ тонѣ ихъ слышалось почтительное изумленіе... Вспоминается исправникъ въ г. Камышловѣ, гдѣ партія наша, шедшая въ Сибирь весною 1882-го г., остановилась на ночлегѣ. Исправникъ пріѣхавъ утромъ проводить пасъ. И, говоря прощальное привѣтствіе съ пожеланіемъ скорѣе встрѣтить насъ возвращающимися обратно, онъ прибавилъ: «вѣдь я знаю, среди васъ есть такіе, передъ которыми за версту шапку снимаешь». Помню тотчасъ же послѣ 1-го марта стараго инженерлагя генерала, пріятеля моего отца, соратника Тютленова по Севастопольской оборонѣ, ваянаго монархиста стараго типа. Изливъ все возмущеніе по поводу совершившагося, онъ вдругъ неожиданно добавилъ: «Но люди то, люди то каковы. Такихъ людей какъ Желябовъ нельзя лишать жизни. А Кибальчичъ. Его бы заточить навѣки, чтобы онъ могъ продолжать свою работу: не бомбы готовить, а свой летательный снарядъ изобрѣтать».

Всѣ эти и имъ подобныя отзывы, отзывы простыхъ людей — людей толпы любоблажны и показательны.

Вся дальнѣйшая часть книги рисуетъ позднѣйшую исторію революціоннаго движенія по 1883-ій г. Передавать содержаніе ея невозможно. Интересующійся долженъ самъ прочесть ее. Эта часть книги также содержитъ въ себѣ много интереснаго и богатаго матеріала. Возникновеніе военной организаціи, рядъ арестовъ и революціонныхъ неудачъ, тщетныя попытки возстановить центральную организацію, переговоры, открытыя правительствомъ, съ Народной Волей черезъ Воронцова-Дашкова и Николадзе, выступленіе на сцену Догаява и его губительная, предательская роль, арестъ и, наконецъ, судъ и проч. и проч. Въ концѣ концовъ изъ всѣхъ членовъ «Исполнительнаго Комитета» къ началу 1883 г. остается на свободѣ въ Россіи только одна В. Н. Фигнеръ. И тогда, съ оскуднѣніемъ революціонныхъ силъ, наступаетъ періодъ паденія общественнаго настроенія. Положеніе становится трагичнымъ. Этимъ трагизмомъ и чувствомъ одиночества проникнута вся послѣдняя часть книги. Очень хорошо изображено это настроеніе въ одномъ изъ стихотвореній В. Н. Фигнеръ, посвященномъ Л. А. Волькенштейнъ — ея подругѣ по Шлиссельбургу. Въ немъ описываются тѣ чувства, которыя переживаются ею въ день суда:

«Было мнѣ въ эти дни не до новыхъ людей:

Жизнь прошедшая мнѣ рисовалась...

Проходили предо мной рядъ погибшихъ друзей,

Братство славное мнѣ вспоминалось...

Съ этимъ братствомъ неслы и тревоги борьбы —
 Силы сердца ему отдавала:
 Всѣ несчастья, измѣны, удары судьбы
 До послѣдняго дня раздѣляла...
 Но союзъ нашъ, борьбою распатанный, патъ,
 Неудачи его сокрушили:
 Безнощадно судъ смертью однихъ покаралъ,
 Въ равелинѣ другихъ схоронили...
 И пришлось въ день расчета одной мнѣ предстать
 Съ грустными взоромъ, назадъ обращеннымъ,
 Между новыхъ людей одинокою стать
 Съ думой тяжкою, съ сердцемъ стѣпеннымъ...»

Любопытнѣе эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ началѣ заключенія
 В. Н. Фигнеръ до суда.

«Пропелъ мѣсяць или полтора, — говоритъ она, — когда
 однажды ко мнѣ въ камеру вошелъ высокой пожилой жандармскій
 генералъ съ лицомъ, довольно красивымъ и симпатичнымъ. «Моя
 фамилия — Серода, — отрекомендовался онъ. — По высочайшему по-
 велѣнью я назначенъ для разслѣдованія политической пропаганды
 въ войскахъ по всей Имперіи».

Онъ взялъ мою руку и, несмотря на сопротивленіе, поцѣловалъ
 ее. «Вы хорошій человекъ, — сказалъ онъ. — Вамъ несчастье, что,
 выйдя замужъ, вы не имѣли дѣтей».

Послѣ этого оригинальнаго вступленія, когда мы сѣли, я за-
 дала вопросъ, какъ предполагаетъ онъ использовать свои широкія
 полномочія: думаетъ ли создать, подобно Желеховскому, про-
 цессъ-монстръ, и на этомъ сдѣлать карьеру, или, не раздувая дѣ-
 ла, ограничиться преданіемъ суду немногихъ.

«Нѣтъ, создавать большого дѣла я не намѣренъ, — отвѣчалъ
 Серода, — суду будутъ преданы лишь самые дѣятельные.»

«Онъ такъ и сдѣлалъ: судили по нашему дѣлу 14 человекъ; изъ
 нихъ военныхъ было только шесть, а могли судить нѣсколько де-
 сятковъ.»

Жизнеописаніе В. Н. Фигнеръ доведено ею до вступленія ея
 въ Шлиссельбургъ. Проведенныя ею въ немъ 20 лѣтъ и выходъ ея
 на волю въ 1904-омъ г. должны составить содержаніе имѣющей по-
 явиться въ будущемъ 2-ой части.

Очень мало еще появилось въ свѣтъ воспоминаній по исторіи
 русской революціи, по богатству матеріала и по образности изло-
 женія подобныхъ этой книгъ. И хотя она касается прошлаго, ин-
 тересъ ея современенъ. Революція въ Россіи не закончилась, и кто
 хочетъ быть ея дѣятелемъ, долженъ знать ея прошлое.

С. Ивановъ.